

Рязанов Эхадар
своих друзей
25.09.94

ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ:

Культура. - 1997. - 25 сент. - с. 11

Комедия не нужна никому, кроме народа

ПЕРСОНА

Эльдара Рязанова знают все, а фильмы его с удовольствием смотрят, потому что они очень добрые, человеческие, как и их автор. Как ему только удается оставаться добрым в наше жестокое время?

- Просто-напросто это заложено в моей генетике. Я никогда ни под кого не подделывался, не пытался понравиться, а делал то, что могу делать. У меня своя теория: я — совершенно обычный представитель российского народа, вместе с ним воспитанный, перенесший и войну, и эвакуацию, и голодные годы, и коммунальные квартиры, и так далее. Все это я знаю не понаслышке.

Мне и мелодии нравятся такие же, как и всем. Почему мелодии из моих фильмов запоминают, поют? Да потому, что всегда приглашаю композиторов, чью музыку хотел бы слушать сам. Да и фильмы мои пользуются успехом потому, с моей точки зрения, что их делал "свой" человек. Мне не свойственна высокомерность, да и откуда ей быть? Я людей люблю и верю в то, что они — хорошие. И выясняется, что в большинстве случаев это соответствует каким-то их желаниям и ожиданиям.

Бывало, это не совпадало. Никогда не забуду нашего смертельного огорчения и разочарования с Гришей Гориним после выхода фильма "О бедном гусаре замолвите слово". Мы так мучились, сопротивлялись, уступали, боролись! Это была са-

мая "кровавая" для меня картина. И все-таки ее удалось сделать. Фильм вышел, и мы думали: вот люди увидят нашу боль, наше гражданское мужество, которое в данном случае действительно потребовалось, будут звонить, писать, откликнутся. Но телевизионная премьера состоялась 1 января восемьдесят первого года. Страна воевала в Афганистане, для всех тогда это была война где-то на периферии. И все в этот день сидели за коньяком, индейками. Фильма никто не заметил. Получился выстрел в никуда, в пустоту. Нет, были замечательные отзывы, звонили Петрушевская, Ильинский, Борис Васильев, Андрей Вознесенский — целый ряд людей, которые являли совесть России. Но это десять — пятнадцать звонков, пара телеграмм. И все. И дальше — ни одной рецензии, что понятно: официоз картину не принял.

Мне вызывал Александр Чаковский в "Литературную газету" и журил за то, что я скурвился, снял "Гараж", "О бедном гусаре замолвите слово", а это — путь к врагам. Происходило все в присутствии всех членов редколлегии. Все они сидели молча. И делалась эта выволочка человеком добровольно! Никто Чаковского об этом не просил, он сам проявил заботу о советском художнике, которого надо вернуть на путь истинный. Это же был фильм против КГБ, хоть и делалось все в иносказательной форме. Поэтому и въздыбилось телевизионное начальство. Но у меня практически в каждой картине находилось что-то доброе, позитивное, то, что создатели любят, уважают, к чему

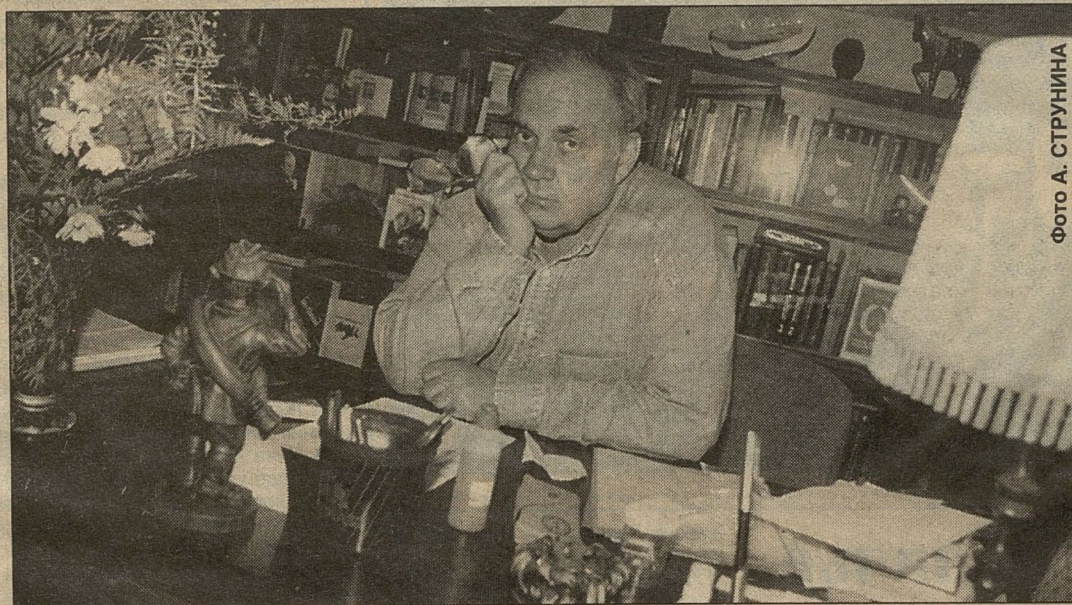

Фото А. СТРУНИНА

испытывают сердечную склонность. Разве что "Жестокий романс" — исключение: там режиссер не симпатизирует никому, включая Ларису. И это было для всех неожиданно. Но Лариса, я обратил внимание, почему-то любила богатых и не любила бедных.

— Но недобрым бывать все-таки случалось?

— Случалось. Вот у меня в "Дорогой Елене Сергеевне" снимались молодежные ребята. И я их ненавидел: они настолько сжились с образами подонков, которых играли, что я начал их отождествлять. Так самозабвенно они все делали, что я после съемок приходил домой — и сердце болело: "Что же я на старости лет снимаю, какой ужас, какой кошмар!" Я очень

доволен тем, как сделал "Дорогую Елену Сергеевну". Но это — единственный мой фильм, после которого не хочется жить: страшно.

— Актеры от рязановского гнева часто страдают?

— Я никогда не кричал на артистов, ни на одного. Это с первой картины пошло. Артист, как я говорю, — самое тонкое, деликатное орудие режиссера. Я артистов очень люблю, и они это чувствуют. Я им позволяю полную самостоятельность: пусть в кадре делают, что хотят, говорят, как хотят. Но все это — как бы, потому что на самом деле все может делаться только в тех рамках, на той "платформе", которая меня устраивает и соответствует моему замыслу. Я больше всего люблю артистов-

импровизаторов. Этим умением замечательно владеют Лия Ахеджакова, Андрей Мягков, Алиса Фрейндлих, Людмила Гурченко.

Но тут важно, чтобы я сам был в форме. Когда работаю на съемочной площадке, мне нужно быть выпавшимся, здоровым и в хорошем настроении. Я в принципе всегда знаю, чего хочу. Но когда прихожу на съемку, всегда держу, что называется, "ух востро" — и вдруг облачко выплыло, птичка просвистела, ассистент сказал смешную реплику, актер сделал антраша какое-то. И это тут же включается в кадр, в сцену, и получается такой сплав, который накануне невозможно было предвидеть: родилось сегодня, сейчас, сию минуту.

— Ваша телевизионная карьера началась с "Кинопанорамы"?

— Да, мне вдруг позвонили и пригласили в эту передачу. Пришел, мне сунули лист бумаги с написанным текстом. Попробовал это читать, вижу: коряво, неуклюже. Тогда сказал, что читать не буду, и начал лепить что-то свое.

Сейчас у меня на телевидении своя "ниша". Мне кажется очень важным при помощи телевидения научить людей отличать, где добро, а где — подделка под добро. Обычно просвещение люди связывают с дидактикой, тоской, скукой. И на просветительских передачах выдергивают шнур из розетки или переключаются на другой канал. Чтобы заставить их это смотреть, вложить в них свои мысли, чувства, идеи, надо делать передачу увлекательно, иногда с юмором, иногда с детективной интригой.

— Педагогические склонности в вас, очевидно, заложены?

— Когда меня пригласили преподавать, не знал, как это делать. Помнил, как нас учил Козинцев, — "макал" мордой во что попало и первая его фраза была: "Я не буду вас учить режиссуре — этому научить невозможно. Я буду учить вас думать. Если вы научитесь думать, то до всего дойдете сами". Я, когда учил своих ребят, проходил с ними все стадии кинопроизводства. Студент писал сценарий, потом читал его в нашей мастерской, и все делали замечания. С помощью наших советов, "раздеваний", автор сценария доводил. Потом шел этап подготовки фильма, кинопроб, причем мы все обсуждали в мастерской. И так до тех пор, пока фильм не создавался. У меня было пять-шесть студентов, каждый свободно высказывался, мог говорить что угодно, — и это было, по-моему, самое ра-

зумное. В результате мои курсы окончили люди, которые оказались способны к самостоятельной работе в кино: Юрий Мамин, Евгений Цымбал, Исаак Фридберг, Иван Дыховичный и другие.

— Ваша последняя картина "Привет, дуралеи!" — о любви...

— Я вообще делал много фильмов о любви. Это и "Ирония судьбы", и "Служебный роман", и "Вокзал для двоих"... О любви и фильм "Привет, дуралеи!" Два его героя, может быть, несчастны, с точки зрения "новых русских". Они — нищие, у них ничего нет. И все же есть то, чего не имеют очень многие люди, владеющие крутыми "мерседесами", замками в Испании и всем таким прочим. Есть любовь, которая для меня — самая главная ценность. У меня есть небольшое стихотворение, которое в картине "Привет, дуралеи!" стало лейтмотивом.

— Стихи открыли нам Рязанова-лирика, но как пророс ваш поэтический талант?

— Писал стихи потому, что у меня было некое неудовлетворение работой в кино. Фильм — произведение коллективное. Да, режиссер — главный, но фильм — сплав дарований. Или бездарностей — уж как случается. А стихи — это только я: то, что я чувствую, думаю, испытываю. Это возможность передать что-то сиюминутное, мимолетное ощущение, картину, "размышлизм", скажем так. Вообще каждое искусство, как мне кажется, — это исповедь. И каждый мой фильм — исповедь все равно, но — рядом с исповедью других. А стихи — мое личное. Они или приходят, или не приходят. Ложишься в кровать — и вдруг приходят строчки. Какие-то стихи у меня за десять минут сочинялись, уже потом что-то доделывал, улучшал или ухудшал — по-разному.

— Помню, как на юбилее Зиновия Гердта вы исполняли полублатную песню. Еще одна грань таланта?

— Мне всегда очень хотелось петь. Но у меня нет слуха и голоса. А когда лет сорок назад снимал фильм "Остров Сахалин" на Сахалине, в нашей группе был оператор Юра Серов, кстати, внук великого художника Серова. Он — очень музыкальный человек. Я купил самую дешевую гитару, и Юра меня терпеливо учил трем аккордам: ум-па-па, ум-па-па, ум-па-па. А поскольку я знаю огромное количество стихов и песен, все их пел под это дело. Мотив, правда, получался приблизительно один и тот же. Но все равно я старался быть душой компании. Очень люблю всякие блатные нищенские песни, мне нравится такого рода народное творчество. На юбилее Гердта я пел песню, которую мы с Сашей Галичем досочинили. Знали только начало и примерное содержание, дописали куплетов сорок. А начало было такое: "Есть по Чуйскому тракту дорога, много ездит там шоферов. Среди них был отчаянный шофер, звали Колька его Снегирев". Эта песня была одновременно дебют нашего с Сашей коллектива и лебединая песня: больше мы вместе ничего не писали.

— Когда ожидается ваш новый фильм?

— Ежели создастся ситуация, когда какие-то люди или государство захотят вложить в мой фильм деньги, — буду его ставить. Не создастся — не буду. Потому что это значит: я никому здесь не нужен как кинорежиссер. Это обидно. У нас и раньше говорили: комедия не нужна никому, кроме народа. Думаю, это можно сказать и про Рязанова тоже: он никому не нужен, кроме зрителей.

Беседу вела
Татьяна ИСКАНЦЕВА